

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО

Сессия советско-американского
форума в Москве

РЕЛИГИЯ ГОСУДАРСТВА

Новое мышление в блокаде обществоведов

ПРИБАЛТИКА В ГРАНИЦАХ ВОЗМОЖНОГО

Реальна ли «самохозяйственная Эстония»!

ISSN 0320 8001

2/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Мы: страна в движении

Р. ТАННЕР. ЭСТОНИЯ ИЩЕТ РЕЦЕПТ

8

С. ВАСИЛЬЕВ. ОСТОРОЖНЕЙ С РЕЦЕПТАМИ!

11

Актуальная тема

Г. ЛОКШИН. О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА — ОТКРОВЕННО И ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

13

Резонанс

Л. ИВАНАЩЕНКО. ПРОШУ ПРИНЯТЬ МЕРЫ

18

В. КУЗНЕЦОВ. КАЗАРМЕННЫЙ ДУХ

В. ПЕРЫШКИН. НЕ ДОВЕРЯЮ

Наши публикации

А. СОЛЖЕНИЦЫН. ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!

22

Проблемы и суждения

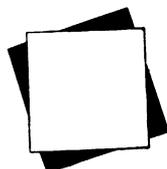
С. КОРДОНСКИЙ. МИНИСТЕРСТВО ПРАВДЫ

26

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ:

Снимок слева: «В России скоро весна...»

На третьей странице обложки: «Стройматериал». Рисунок из сборника «К жизни» (издательство «Ассо», ФРГ).

«Уважаемая редакция...»

В нашей почте происходит перемена: письмо-отклик и письмо-манифест уступают место критике альтернатив, эссе, короткому трактату. Наш читатель обрел свое лицо: из эмоционального протестанта он становится аналитиком и государственным мужем. Это подтверждает нашу веру в то, что у миротворческой тенденции в перестройке есть народная поддержка и духовная почва.

Палачи и жертвы

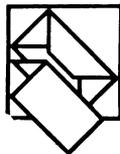
Я присутствовал на двух заседаниях подготовительного съезда общества «Мемориал». После первого осталось чувство хорошего начала. Второе вызвало скорее досаду. Очень не хватало культуры «спора без ссоры». Предложение «экстремистов» — потребовать под мемориал здание КГБ — вызвало испуг и не было поставлено на голосование (хотя демократическая процедура этого требовала); в фойе один из «умеренных» назвал выступавшего провокатором (для чего не было никаких оснований); оскорбленный дал оскорбившему пощечину... «Экстремизм» и «сервизм» раздражали друг друга до истерики. Отдельные прекрасные выступления (Г. Бакланова, А. Рогинского) не смогли переломить настроения. Делегаты из дальних городов негодовали на распри москвичей. Хаос резал глаза на фоне трезвых, смелых и в то же время сдержанных выступлений прибалтийцев. России есть чему поучиться у них.

Через оба дня тянулся мучительный вопрос, переходивший из уст в уста без ответа: как быть со вчерашними палачами, ставшими жертвами? Мне, к сожалению, не дали

возможности сказать то, что я об этом думаю. И я решил об этом написать. Тем более, что писатель В. Белов, выступая по телевидению, опять попытался отделить агнцев от козлиц.

Я хотел сказать, что разбойник на кресте — жертва. Одному такому «мокрушнику» уже было сказано: «Ныне же будешь со Мною в раю». И про распинавших: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят». Это, конечно, было давно. Так давно, что почти все неправда. Но вот недавнее. Когда арестовывали мать Марию, эсэсовец Гофман крикнул Софии Борисовне Пиленко: «Вы дурно воспитывали свою дочь, она только жидам помогает». София Борисовна ответила: «Если бы и вам грозила беда, то и вам помогла бы». Мать Мария улыбнулась и сказала: «Пожалуй, помогла бы...» Гофман принял это за издевательство и замахнулся на нее. Но она была совершенно правдива. «Тот, кто не любит своих врагов, — не христианин». Мать Мария вряд ли знала эти слова схимонаха Силуана, но чувствовала заодно с ним.

Я понимаю людей, начисто отвергавших мораль революции. Но тогда

надо вернуться к морали Евангелия и не продолжать в бесконечность сталинский дух в борьбе с наследием Сталина.

Духовный смысл Мемориала — конец ненависти. Правда о каждом человеке должна быть восстановлена — но без ненависти. Если мы останемся в плену нетерпимости, в плену фанатизма, — злу не будет конца. В Испании прах всех погибших в гражданскую войну, республиканцев и франкистов, свезли на одно кладбище и надо всеми поставили один большой крест. Неужели мы пристрастнее и нетерпимее, чем генерал Франко? Почему мы боимся милосердия?

Делегаты съезда дружно открещивались от «Памяти». «Сервилисты» заодно отрестились и от Демократического союза. Более смелые считали, что с экстремизмом

демократическим, ненасильственным и, так сказать, незлокачественным сотрудничать можно. Но от «Памяти» открещивались все. Почему? Потому что общество «Память» — это память ненависти, растравленной до неразборчивости в средствах, до подлогов, фальшивок, призывов к убийствам (от которых потом, когда наступили на хвост, лицемерно отказывались).

У порядочных людей это вызывает гадливое отшатывание. Но додумаем и его до конца. Опыт страшных лет требует отшатнуться от **всякой** ненависти, от **всякой** мести. Только полная правда о прошлом и призыв к покаянию. Только так — через нас самих — умрет дух, символом которого стал Иосиф Сталин.

Григорий ПОМЕРАНЦ,
г. Москва.

Ностальгия по суверенитету

Сегодня пришел № 10 вашего журнала. Большое спасибо. Я в восторге от содержания вашего издания, в котором печатаются довольно притязательные, но и противоречивые материалы — в смысле плюрализма мнений, провозглашенного Михаилом Горбачевым, в смысле назревшей ситуации. Путь этого «нового мышления» официально остановлен на нашей госгранице, так как очень популярный в ГДР журнал «Спутник» теперь вычеркнут из списка подписки по той причине, что, якобы, помещал материалы, не служащие интересам германо-советских отношений. Однако «Спутник» будут по-прежнему читать в ФРГ, Австрии, Люксембурге, Лихтенштейне, в Западном Берлине, в Швейцарии и Южном Тироле, а также в Эльзас-Лотарингии. И только немцы в ГДР,

для которых германо-советская дружба стала кровным делом еще с детства, теперь не имеют на то права. На это я уже жаловался в нашем местном секретариате Общества германо-советской дружбы, в Демократической крестьянской партии Германии, в Министерстве почт и связи ГДР в Берлине, на Радио Москвы, в московской редакции журнала «Спутник». Думаю предпринять и дальнейшие шаги.

От всего сердца приветствуя политику Михаила Горбачева, хотел бы выступить в роли активного помощника этой политики. Ныне в Советском Союзе растут движения народных фронтов, требующие фактического суверенитета народов, то есть уважения к их языкам, культурам, традициям, и желающие внести тем самым свой вклад в дело Сою-

за Советских Социалистических Республик. Мы должны серьезно понять это желание и уважать его, прежде чем экстремисты наделают немало бед. Нам следовало бы учитывать, что, например, в Эстонии и Латвии существуют прочные связи с протестантской Северной и Центральной Европой, тогда как Литва и часть Западной Украины ориентированы на Польшу. Кавказские народы автаркичны. У них свои собственные, изначальные культуры, например, Грузия и Армения с их древней цивилизацией. Тюркские народы, проживающие на территории между Грузией и Китаем, Сибирью и Афганистаном имеют традицию,

уходящую корнями в эпоху арабских, персидских, а также эллинских крупных государственных формирований, ориентированных ныне на традиционное мусульманское мировоззрение. Все они должны жить в мире с восточными славянами, традиции которых формировались под влиянием Русской православной церкви. Ленинский социализм должен быть связующим звеном, сохраняющим каждому его культурно-национальные особенности и не допускающим каких-либо их нарушений.

**Удо ХАММЕЛЬСБЕК,
г. Дрюбек-Эренфельд, ГДР.**

Нарушенный гомеостазис

Ливан, восточная Швейцария, туристическая Мекка недалекого прошлого, став полем неслыханно длительной и жестокой гражданской войны, дал предметный урок странам и народам в хрупкости национальных отношений, разрушить которые можно в один день. Иногда раздор принимает необратимый характер, и тогда центробежные силы делают из некогда мощного государства конгломерат враждующих осколков.

В мире много регионов с многонациональным составом населения. И в большинстве случаев люди живут мирно столетиями. Вот слова президента Бразилии Ж. Сарнея, сказанные на приеме в Кремле 18 октября 1988 года. «Население Бразилии составляет 140 миллионов человек, которые живут в условиях расового равноправия, чем мы очень гордимся. Мы третья по численности негритянского населения страна мира и на протяжении нашей истории сумели при всем разнообразии рас сохранить наше единство».

Мир бесконечно разнообразен. Бесконечно разнообразны условия, в которых соседствуют страны, народы и этнические группы. По-раз-

ному в историческом прошлом сложились их судьбы.

Управляем ли процесс поддержания равновесия в национальных отношениях? Или он полностью подвластен стихии, случайности, и человек в этом деле беспомощен, как, например, при землетрясениях?

Не претендую на абсолютную верность ответа, но вот моя точка зрения на этот вопрос.

В науке существует такое понятие, как гомеостазис (гомеостаз). Самый лучший пример гомеостаза — человеческий организм. Конечно, внешние условия могут вывести организм из гомеостатического состояния: перегрев, переохлаждение, попадание в организм инородных тел. Но и в этих экстремальных случаях организм будет упорно пытаться войти в норму.

Гомеостаз существует в природе. Благодаря ему обеспечивается равновесие множества природных параметров. Состав воздуха, температурный режим, уровень морей и океанов ... Только неумное вмешательство человека вызывает нарушения этих параметров. Сперва локальные, затем и глобальные.

Есть понятия: нервно-психический

гомеостаз, экологический, экономический, социальный. Можно высказать предположение, что в многонациональных регионах существует **этнический гомеостаз**, который также автоматически поддерживается в равновесном состоянии, пока силы, превосходящие возможности автоматического регулирования, не нарушат его. Люди разных национальностей и этнических групп, спокойно живя бок о бок, сами без внешнего вмешательства в состоянии поддерживать спокойствие в своих отношениях. А если какие-то случайные (экстремальные) события все-таки выведут систему из равновесия, и она своими силами не может войти в норму, то в этом случае должен сработать принцип внешнего дополнения Ст. Бира: противоречия, не устранимые в системе низшего порядка, могут быть устранены системой более высокого уровня, то есть необходимо внешнее вмешательство. Это может быть суд, старейши-

на или другой независимый авторитет, который признают обе стороны.

В застойное время утверждалось, что все наши беды в национальном вопросе,— вражеская пропаганда. Нет! Мы не умели поддерживать сложившийся гомеостаз. Более того, субъективными действиями мы его разрушали. События в Казахстане, Нагорном Карабахе, вспышки антисемитизма, массовый выезд евреев в 70-е годы — все это следствия прошлых непродуманных решений.

Люди не хотят становиться ни эмигрантами, ни беженцами, ни переселенцами, ни отказниками. Таковыми их делают независимые от них обстоятельства. Простые люди даже самых враждующих народов хотят и могут жить в мире и согласии.

Семен АВЕРБУХ,
кандидат технических наук,
ветеран Великой Отечественной
войны,
г. Киев.

Столица России

В № 7/88 два материала будоражат мои мысли — «Тройной прыжок» Г. Павловского и эссе М. Гефтера «Перестройка или перепутье?» Вот то, что дает пищу уму сторонников перестройки. Взять хотя бы эссе М. Гефтера. К сказанному автором хочется добавить, что должна быть — рано или поздно — воссоздана **Российская Коммунистическая партия**, созданию которой в свое время помешал Сталин. А столица

России должна быть в Ленинграде — это всем понятно. Очень справедливо автор указывает на «русский национальный вопрос», действительно существующий. Видимо, назрела необходимость в дискуссии по этому поводу, и было бы естественно увидеть ее на страницах вашего журнала.

Александр КУПЧИНСКИЙ,
г. Ростов-на-Дону.

Советская многопартийность: плавный переход

Доказывать преимущества многопартийной системы — все равно, что ломиться в открытую дверь. Публикация в «Известиях» от 15 ноября

1988 года статьи Б. Курашвили, где он пишет: «Социалистическая многопартийность — один из ключевых элементов будущей развернутой со-

циалистической демократии», легализовала проблему и на страницах массовой печати.

Но одно дело — теоретическое признание преимуществ, и совсем другое — практический переход. Вот здесь-то и начинаются споры и расхождения. Выскажу свою точку зрения.

КПСС — довольно оригинальная политическая организация, состоящая, с одной стороны, из партийного аппарата, обеспечивающего единство государственной власти, а с другой стороны, — из рядовых членов партии, не связанных какой-либо реальной общей идеологией, отличной от беспартийных. Единства партии, помимо единства аппарата, не существует. Средние уровни разности членов партии и беспартийных сейчас, примерно, совпадают. Основная масса членов КПСС вступала в партию вовсе не по политическим причинам (до недавнего времени политической жизни, кроме кампаний против инакомыслящих, у нас, по сути, не было). Это либо привлекаемые в партию рабочие, — для обеспечения требуемого социального состава, либо интеллигенция и служащие, главной мотивировкой которых является фактор социального статуса. Тезис об авангардной роли КПСС — одно из проявлений идеологического ритуала. В него мало кто верит, не говоря уже о том, что он, как и всякое самовосхваление, нескромен, и задевает достоинство беспартийных (разом зачисленных в «карьергард»). Если же партия стремится быть авангардом, то это, конечно, ее полное право.

Но, даже если партия — не «авангард», из этого не следует, что она не нужна. Именно функция обеспечения единства государственной власти, которую реализует партийный аппарат, делает КПСС социально полезной организацией. Мне кажется, что нынешняя критика в адрес партийного аппарата носит несколько односторонний характер, поскольку базируется на абстрактных демократических нормативах, а не

на учете реальной ситуации. А реальность, судя по всему, такова, что альтернативой демократизированной власти аппарата может быть, если говорить о стране в целом, лишь развал и охлократия (власть толпы), подобная той, которая наступила после февраля 1917 года и закончилась, в конечном счете, диктатурой.

Авторитет власти — это нечто более серьезное, чем факт формального обладания ею. У аппарата КПСС есть авторитет **легитимности**, — власти, закрепленной в массовом сознании в качестве традиции, когда «хощь и ругаешь, а уважаешь». Нынешние наши проблемы можно решить не сразу, — через непопулярные меры, через возможные ограничения демократии. Для подобной роли нам более пригоден аппарат, от которого ничего другого и не ждут.

Но и аппарат, будучи аппаратом лишь одной официально существующей правящей партии, вызывает на себя всю силу общественного недовольства, что способствует нахождению страны в перманентном политическом и идеологическом кризисе, — и может вызвать события, аналогичные февралю 1917 года. Не дай бог, чтобы все это повторилось, — последствия известны.

Где же выход? — Выход есть: целенаправленное, организованное саморазделение партийного аппарата — и КПСС в целом — на две альтернативных партии (как показывает мировая практика, этого числа вполне достаточно). Ведь партии могут базироваться не только на особых социальных интересах, но и на различии групп лидеров (вспомним США). Что касается социальных интересов, то в рамках одной партии могут быть представлены любые из них. Создание на основе КПСС двух альтернативных, организационно независимых партий вполне удовлетворит ожидания общественности и создаст действенный механизм улучшения их аппарата. При этом обе партии достаточно будут сильны, что-

бы удержать власть, а соревнование между ними (не исключая коалицию), будет снижать вероятность формирования вне их третьих сил в качестве серьезного политического конкурента. Замечу, что даже та вульгаризованная интерпретация смены партиями друг друга у власти на Западе, по которой это «лишь перекалывание власти буржуазией из одной руки в другую», была бы, по нашим нынешним условиям, большим шагом вперед.

Подобное саморазделение, в принципе, могло бы быть проведено уже сейчас, обеспечив соединение демократии и стабильности. Думается, что это был бы наиболее быстрый и бесконфликтный переход к многопартийной системе в нашей

стране, требующий от аппарата лишь элементарной прозорливости и здравого смысла.

Хорошо понимаю, что критику идеи саморазделения КПСС можно проводить как «слева», так и «справа». Но что может быть естественней, чем желание наиболее быстрого и бесконфликтного перехода к многопартийной системе! А естественное желание порождает и естественный способ его реализации.

Утопия? — Но лучше утопия, из которой рождается порядок, чем такой порядок, который заводит то в застой, то в кризис.

И. ШУЛЬГИН,
кандидат философских наук,
г. Москва.

ИЗ ПОЧТЫ ФОНДА МИРА

Вся жизнь

Почти шестьдесят лет Николай Семенович Щелоков — коммунист. Почти вся жизнь прошла на Камчатке, прошла в активном труде: и в общественном, и в производственном (рыбная промыш-

ленность). Но и на заслуженном отдыхе 86-летний пенсионер активно участвует в нашей современной жизни: «Вношу свои сбережения (20 тысяч рублей) в Фонд мира. Это мой вклад в борьбу за него».

ЭСТОНИЯ ИЩЕТ РЕЦЕПТ

Дискуссия о национально-государственных проблемах СССР — постоянная тема нашего журнала. Простых решений нет, всякий шаг вперед вызывает сомнения и конфликты даже среди единомышленников. И тем не менее, необходимость реформ заявлена, пересмотр Конституции СССР начат, на очереди — национально-государственная перестройка. Ее успех невозможен без гласности позиций и альтернатив.

«СССР — наш общий дом». Это часто употребляемое и абсолютно правильное выражение часто превращается в газетный штамп. Но ведь и в доме жильцы его живут не в одном большом зале, а в отдельных квартирах под общей крышей. И только расселение каждой семьи в отдельную квартиру обеспечивает мир и добрососедство для всех.

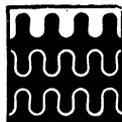
Каждая нация на своей земле — это укоренившийся в веках образ сосуществования с природой. Кто лучше коренных жителей знает особенности, возможности и пределы экологической выносливости регионального мира? Психология столичных бюрократических ведомств — это психология кочевника: пришли, растратили, двинулись дальше... Но нам из Эстонии уйти некуда. Только на своем клочке земли мы сохранимся как нация в мировой семье наций — и только мы, эстонцы, сумеем сохранить саму эту землю как возделанный, обитаемый регион планеты Земля.

В разумном анализе Виктора Шейниса («Мир в доме», № 10/88) справедливо отмечено, что неадекватная реакция центральной прессы на события в Закавказье чрезвычайно обостряла кризис вокруг Карабаха. Но то

же самое еще раз повторилось вокруг решений ноябрьской сессии Верховного Совета Эстонской ССР — с тем же негативным результатом. Разве не следовало спокойно, без предубеждения рассмотреть предложенную модель как местный, эстонский вариант перестройки?

«В исключительной собственности Эстонской ССР находятся земля, ее недра, атмосферный воздух, внутренние и территориальные воды, шельф, леса и другие природные ресурсы. Собственностью Эстонской ССР являются также основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, государственные банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий и основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для выполнения задач Эстонской ССР» (Конституция Эст. ССР, статья 11, часть 2).

«Исходя из международных пактов об экономических, социальных правах в области культуры, гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, ратифицированных Союзом ССР, а также из других норм международного права, высший представи-

тельный орган народной власти Эстонской ССР — Верховный Совет декларирует верховенство законов Эстонской ССР на территории Эстонской ССР» (Из Декларации Верховного Совета ЭССР «О суверенитете Эстонской ССР», г. Таллин, 16 ноября 1988 г.)

Эти положения вызвали нарекания прессы и были признаны Верховным Советом СССР недействительными. Тем не менее необходимо объяснить, как мы их понимаем. Это будет способствовать и росту доверия в «нашем общем доме» — СССР.

Основной принцип социализма — это собственность производителей на средства и орудия производства. Диапазон возможностей осуществления этого принципа чрезвычайно широкий: от всеобщей государственной собственности до личной собственности мелкого производителя. Между этими крайностями вместится огромный спектр вариантов кооперативной собственности различных уровней обобществления.

Нет секрета в том, что в СССР в течение долгих десятилетий явно преобладала левая часть этого широкого спектра — весьма жесткая централизация всего руководства народным хозяйством.

Такой вариант ведения народного хозяйства помог нам осуществить индустриализацию страны в невероятно трудных условиях, а также победить в самой жестокой войне в истории человечества. Но, тем не менее, этот способ осуществления принципа социализма не обеспечил нам постоянства высоких темпов развития. «Мы находимся лишь на 74-м месте в мире по производству валового национального дохода в пересчете на душу населения», — так охарактеризовал экономическое положение СССР один из народных депутатов Верховного Совета Эстонской ССР. Из такого «предкризисного состояния» и вытекает необходимость в глубокой перестройке, объявленной руководством КПСС; необходимость, в частности, в перестройке ос-

новы основ нашего социализма — форм собственности на средства производства.

Но исторический опыт развития научил нас, что крупномасштабные общегосударственные эксперименты по реорганизации управления народным хозяйством приносят результаты очень медленно и очень дорого стоят. Нужно умножать разнообразие наших поисков на пути социализма и, соответственно, сокращать масштабы каждого эксперимента в отдельности. В эту логику ускорения развития, по-моему, вписывается региональный вариант перестройки, который проводится в Эстонии под руководством здешних коммунистов.

С широкой поддержкой народных масс, при помощи средств массовой информации вот уже год с лишним работают в Эстонии над программой перехода на полный региональный хозяйственный расчет — с переводом взаимоотношений с другими регионами страны и братскими республиками на принципы свободной рыночной торговли по договорным ценам.

Эстонская идея республиканского хозяйственного и самофинансирования была одобрена XIX-й партконференцией соответствующим решением Совета Министров СССР и сразу стала внедряться.

Весь вышеупомянутый процесс, безусловно затрагивает основные принципы экономических и правовых взаимоотношений в Союзе Советских Социалистических Республик, однако время не ждет. Наступила пора обеспечить правовую конституционную основу этого радикального эксперимента. Такая попытка и произошла на Чрезвычайной Сессии Верховного Совета Эстонской ССР в ноябре 1988 года, которая преобладающим большинством голосов (254 против 7) провозгласила новую форму социалистической собственности в СССР — республиканскую собственность на землю, ее недра, природные богатства, основные средства

производства в промышленности, строительстве, средства транспорта, связи и т. п.

Новое начинание многонационального коллектива тружеников республики отнюдь не было направлено на улучшение только собственного благосостояния. Для нашего огромного государства Европы и Азии с весьма многообразными условиями в разных регионах не может быть единого рецепта. Но все мы остро нуждаемся в оздоровлении страны.

«Народная мысль безгранична. Нет никакого основания думать, что вся эта мудрость сосредоточена в одном городе, в одном центре. Кое-что осталось и в Эстонии, и на Украине, в Си-

бири и в Средней Азии. Так уж поделим также трудности между регионами и скажем каждому: «Сам думай, сам делай, сам ломай голову», — так сказал депутат Т. Корк (Тамсалуский избирательный округ № 233).

Пусть думают и ищут все народы в разных регионах страны, мобилизируя свои творческие и созидательные силы, пусть обогащают друг друга полезным опытом. Эстония ищет рецепт — желаем успеха и всем другим братским республикам, областям и краям найти собственный!

Р. Х. ГАННЕР,
старший научный сотрудник,
уполномоченный «Народного фронта
Эстонии в поддержку перестройки».

ПОЧТА

Не стать врагами

Решил написать всего несколько строк лишь об одном пункте из программы Национального фронта Эстонии, равно Латвии и Литвы. Это пункт о создании национальных воинских формирований.

С одной стороны, республика вправе осуществлять свой суверенитет (если, конечно, все население «за», а не только одна национальность). А с другой? Сейчас, когда произошли трагические события в Азербайджане и Армении на национальной почве, я подумал: что было бы с этими двумя республиками, с их народами, если бы они не были союзными республиками, если бы они имели свои Вооруженные Силы? Не трудно спрогнозировать, что подобный конфликт привел бы сначала к гражданской войне, а затем и к войне двух республик, а точнее — двух маленьких изолированных го-

сударств. И было бы там то, что мы наблюдали в многолетней бессмысленной войне между Ираном и Ираком. Если в Азербайджане и Армении удастся остановить массовые убийства людей, то это потому, что вся страна болеет, волнуется, помогает и армянскому, и азербайджанскому народу. И каждый из нас так или иначе страдает из-за этого.

История неоднократно давала нам примеры, когда, чтобы уничтожить целое, его сначала разбивают на части. Этого всегда добивались только враги. Самое глупое — стать врагом самому себе.

В. СЕМАШКО,
военнослужащий,
г. Мирный
Архангельской обл.

Осторожней с рецептами!

Судя по последним публикациям в центральной прессе, не исключая и ваше издание, идея «регионального хозрасчета» представляется широкой общественности в качестве верного средства решения национальных противоречий в СССР. Но так ли это?

Как бы мы ни относились к идее национального суверенитета, нельзя отрицать тот факт, что процесс модернизации общества проходит всегда в национально-государственной форме. Разрушение традиционных структур сопровождается процессом формирования единого рынка, естественными границами которого являются границы расселения определенной народности. Государственность зачастую только оформляет сложившееся единство нации и становится затем мощным фактором развития ее экономической и культурной жизни.

Народы, населяющие современную территорию СССР, вступили в фазу модернизации в основном в конце XIX века, что вызвало мощное национальное движение, приведшее в период революции 1917 года к формированию ряда независимых государств. Но процесс становления национальных государств в послереволюционный период был искусственно прерван и дальнейшее развитие национальных экономик происходило в условиях сильной зависимости от метрополии. При этом, несмотря на повышение общего уровня экономического развития, обострились проблемы воспроизводственной и этносоциальной структуры республик. Кризис воспроизводственной структуры республик связан с игнорированием местных географических, экономических, национально-культурных особенностей республик, ориентацией их народного хозяйства на общесоюзные интересы. Кризис этносоциальной структуры связан с преобладанием в рабочем классе многих республик русского элемента и соответственно его преимущественной концентрацией в городах. Все это в условиях наступления русского языка и советской русскоязычной культуры способствовало развитию националистических настроений, воз-

рождению идей национального суверенитета;

Такие настроения и требования оправданы и с экономической, и с социальной точки зрения. Вне национального суверенитета невозможно создать здоровые национальные экономики, а соответственно и здоровую многонациональную экономику. В социальном плане игнорирование национальных чаяний противоречит необходимости демократизации общества, приводит к глубокой фрустрации, общественному разочарованию и длительному социальному кризису.

Какова ситуация на сегодня? Фактически за 70 лет Советской власти созрели предпосылки для национального суверенитета не только в наиболее развитых республиках, но, практически, во всех союзных и в некоторых автономных республиках. Другое дело, что требования национального суверенитета последовательно нигде не выдвигаются. В качестве некоторого паллиатива экономической и социальной эмансипации республик сейчас особенно популярны идеи регионального хозрасчета, а будущее экономики СССР представляется их авторам в виде «социалистического общего рынка» по образцу Западной Европы.

Сторонники этой идеи стараются представить дело так, что региональный хозрасчет ничуть не затруднит межрегиональный хозяйственный обмен, обеспечит как «Общий рынок», свободное перемещение людей, товаров, капитала. При этом, однако, забывают то обстоятельство, что Европейский союз развивается как добровольное сообщество суверенных государств, имеющих близкие уровни экономического развития. Уже включение в «Общий рынок» Испании и Португалии вызвало в нем серьезные проблемы. Ясно, что ни добровольности, ни экономической однородности «социалистический общий рынок» иметь не будет.

Для того, чтобы добровольно объединиться в «общий рынок» — советские республики должны для начала выйти из Союза, провести реструктуризацию своих экономик, создать собственные

кредитно-денежные системы. Все это выглядит научной фантастикой — и только по одной причине: правящая элита, отягощенная имперским сознанием и поддерживаемая широкими слоями великорусского населения, безусловно, не допустит такого развития событий.

Хозяйство советских республик крайне неоднородно, разрыв в уровнях экономического развития между, скажем, Эстонией и Туркменией — трехкратный. За этими цифрами кроются качественные структурные различия. В условиях такой неоднородности местные органы власти все свои расширенные полномочия используют для дезинтеграции единого общесоюзного рынка. Слаборазвитые «юго-восточные» республики будут охранять свое народное хозяйство от товарных интервенций «северо-запада» и «центра». «Северо-запад» будет ориентировать свой вывоз на рынок с конвертируемой валютой и также отгородится от «центра». Единый народнохозяйственный комплекс распадается на автаркические малоэффективные республиканские экономики. Экономика России, как ни странно, пострадает в наименьшей степени: единый всероссийский рынок достаточно емок для того, чтобы обеспечить глубокое разделение труда и высокую степень концентрации производства. Хотя и здесь областеначальники будут пытаться перейти на самообеспечение, но сделать это им будет значительно сложнее.

Региональный хозрасчет в такой «автаркической» разновидности только усугубит межнациональные проблемы. Сохранение единой кредитно-денежной системы вызовет конфликты по поводу эмиссионной политики, обострятся споры вокруг дележа общесоюзного бюджета. В отношении этносоциальной структуры равенство граждан коренной и некоренной национальности станет формальным, уже существующая незаконная дискриминация по этническому признаку приобретет огромные масштабы. В этих условиях этнические конфликты легко могут выйти из-под контроля.

Опыт Югославии, где развиты рыночные отношения и права республик очень

широки, и где, тем не менее, процветает республиканская автаркия, права национальных меньшинств не обеспечены, а центральные органы парализованы межреспубликанскими противоречиями, также должен предостеречь нас от этого пути.

К сожалению, именно по этому пути скорее всего пойдет национальное развитие в СССР. Именно региональный хозрасчет представляет собой наиболее удобную для правящей элиты форму компромисса между московской и республиканской бюрократиями, разумеется за счет демократии — в центре и на местах. При этом предприятия в республиках окажутся совершенно беззащитными перед лицом экономического единовластия местного руководства, в то время как сейчас они «балансируют» между министерствами и обкомами.

Политическая роль общесоюзного центра будет в перспективе достаточно велика (в отличие от ситуации в Югославии). Она связана с исторической гегемонией великорусского народа в евразийском сообществе, его общепризнанной ролью «старшего брата», а также с невозможностью решить значительную часть межнациональных проблем демократическим путем на основе компромиссов. Очень легко провозгласить принцип, что «каждый народ имеет право свободно решать свою судьбу, если при этом он не ущемляет такое же право другого народа». Вся проблема в том, что каждый народ понимает этот принцип по своему, и чем глубже национальная неоднородность сообщества, тем больше зона непримиримых противоречий между народами. В этом случае вмешательство «старшего брата» воспринимается всеми как наименьшее зло. Сохранение политической роли центра, по всей видимости, и станет гарантией против полной экономической дезинтеграции СССР, обеспечит поступательное движение рыночных отношений по всей территории страны и обеспечит в перспективе формирование относительно однородного сообщества наций.

Сергей ВАСИЛЬЕВ,
кандидат экономических наук,
г. Ленинград.

О правах человека — откровенно и по-человечески

Григорий ЛОКШИН,
секретарь Советского комитета
защиты мира

Итак, начал свою работу постоянно действующий советско-американский общественный форум по правам человека. В декабре в Советском комитете защиты мира прошла его первая сессия, следующая намечена в октябре этого года в Нью-Йорке, а в промежутке между ними развертывается работа по нескольким конкретным проектам, которые были одобрены советскими и американскими участниками форума в Москве.

При нынешнем уровне и масштабах советско-американских связей на основе «народной дипломатии», пожалуй, уже никого нельзя чем-либо удивить. Все, что еще несколько лет назад казалось нам абсолютно нереальным, сегодня просто и без лишнего шума входит в повседневную практику общения народов двух наших стран. Это ли не лучшее свидетельство того, что наши отношения постепенно обретают нормальный, цивилизованный характер. Ведь цивилизованность — это синоним нового политического мышления, которое в свою очередь можно назвать просто здравым смыслом ядерного века.

Долгие годы проблема прав человека была как бы камнем преткновения в советско-американском диалоге на всех уровнях. Сам этот термин у нас в печати чаще всего брали в кавычки. Как только на каком-либо международном форуме заходила речь о правах человека на Востоке, советские представители инстинктивно принимали боксерскую стойку, готовясь дать решительный отпор «провокационным измышлениям» и любым попыткам «вмешательства в на-

ши внутренние дела». Слишком глубоко укоренился в нас дух противостояния по принципу «мы против них», чтобы мог завязаться какой-либо серьезный разговор на эту тему. Чего греха таить, нам ведь всегда хотелось, да и сейчас порой очень хочется выглядеть лучше, чем мы были или есть на самом деле.

Да и для так называемых «средних американцев» (которые отнюдь еще не успели стать убежденными друзьями нашей страны) самым тяжким «грехом» было проявление «мягкости» по отношению к советской системе. По личному опыту знаю, как порой обидно задевает это их стремление всякий раз брать на себя роль судьи и выставлять нам неизменно двойки за поведение. Немало тут было и еще есть лицемерия, злонамеренной тенденциозности, ханжества, двойных стандартов и т. п. Многие американские газеты, различные общественные организации, да и официальные деятели до сих пор назойливо наставляют американцев, направляющихся в Советский Союз: нечего просто поднимать бокалы за мир и дружбу с членами КПСС, лучше вместо этого потребовать от них того-то и того-то. Пусть, мол, они попросту станут такими же, как мы. Может, я немного утрирую, но то, что синдромом нетерпимости одинаково страдали обе стороны, это — факт.

Вот так мы и жили, как часто встречающаяся супружеская пара, не способная разрешить свои проблемы из-за того, что оба партнера не желают признать своей доли вины в несладкоживущейся жизни. Частью своего разума они понимают, что пора остановиться и

положить конец ссорам, но не зная, как это сделать, остаются в порочном кругу взаимных обвинений и упреков.

В феврале прошлого года на встрече «в верхах» советских и американских граждан в Вашингтоне, организованной по инициативе СКЗМ и Центра за советско-американский диалог, было решено открыть новую страницу на этом направлении народной дипломатии. Мы договорились вывести проблему прав человека из сферы конфронтации на путь взаимопонимания, терпимости и практического сотрудничества. Для этого мы условились о некоторых принципах. Среди них и сам девиз форума — «Мир — права человека, права человека — мир». Он раскрывает неразрывную связь проблем гуманитарного сотрудничества с обеспечением безопасности и мира. В самом деле, мир — это еще не все, но все без мира — ничто.

Другим основополагающим принципом была признана неделимость прав человека, то есть непротивопоставление друг другу политических, гражданских, социально-экономических и культурных прав и свобод граждан. Мы договорились также отказаться от двойных стандартов в подходе к этой проблеме и исходить из того, что ни та, ни другая сторона не являются непогрешимыми носителями абсолютных истин и не могут претендовать на совершенство. Целью всей работы в рамках форума должно быть выявление позитивного опыта и конкретных методов в изложении негативных явлений в сфере прав человека, которые есть у нас и у них.

Словом, в Вашингтоне был заключен контракт о добрых намерениях. Никто тогда не мог еще предположить, какой большой путь будет пройден за год в советско-американских отношениях. Никто не мог даже и думать, что наш первый форум в Москве совпадет с визитом М. С. Горбачева в Организацию Объединенных Наций и с новыми, поистине историческими инициативами нашей страны в сфере разоружения и по перестройке всего мирового политического и экономического порядка. Первую

сессию форума было решено приурочить к 40-летию Всеобщей декларации прав человека, отмеченной на этот раз очень широко во всем мире. Но создавшаяся политическая атмосфера, полная надежд на лучшее, конечно, отразилась на работе форума, как, к сожалению, и разразившаяся в эти дни трагедия армянского народа.

Как и было условлено, обе стороны представили для начала свои доклады с анализом того, как в течение сорока лет положения Всеобщей декларации применялись на практике в наших странах. Очень важная особенность была в том, что каждый докладчик говорил не о другой стране, а о своей собственной. И тут американская сторона преподнесла нам хороший урок порядочности и самокритичности.

Доктор Вильям Випфлер (Dr. William Wipfler), директор отделения прав человека Национального совета церковей США, дал глубокий и, прямо скажем, суровый анализ реальностей сегодняшней Америки без всякого грима. Он говорил, в общем-то, об известных нам по печати вещах: о расовой и национальной дискриминации, о правах женщин, о бедности, о безработных, о бездомных, о росте преступности, о недостаточности квалифицированной медицинской помощи. Слушая, а затем перечитывая доклад этого уже пожилого человека, абсолютная честность и глубокая порядочность которого вне всяких подозрений, я все время думал, почему же мы так скептически относимся к аналогичной информации о положении с правами человека в США, когда она преподносится со страниц наших газет и с экранов нашего телевидения? Все-таки, видимо, нет в ней такой искренней боли, нет всей гаммы чувств, переживаемых самими американцами, особенно теми, кто активно борется за права человека и порой добивается существенных результатов. Об этом, впрочем, тоже говорилось в докладе д-ра Випфлера.

Наш содокладчик профессор М. А. Крутоголов был явно в более

трудном положении. Такого же обилия фактического и цифрового материала о несоответствии нашей правозащитной практики нашим же обязательствам по международным договорам и пактам о правах человека он не привел и не мог этого сделать, даже если бы очень захотел. Такой статистики у нас просто не ведется. Выручало его лишь то совсем немаловажное обстоятельство, что незадолго до этого форума состоялась внеочередная сессия Верховного Совета СССР, которая внесла немало изменений в Конституцию СССР и приняла новый избирательный закон. Видимо, нашим американским партнерам было все-таки более интересно узнать о том, что делается сейчас, чем о том, что было не так до сих пор. Недостатка в информации на эту тему они явно не испытывали никогда. С большим вниманием был выслушан и другой советский доклад о проблемах создания правового государства, с которым выступил профессор В. М. Савицкий, как всегда покоривший аудиторию не только глубиной и смелостью суждений, но и своим человеческим обаянием.

В. М. Савицкий напомнил, что сам термин социалистическое правовое государство еще недавно не имел у нас права гражданства. Он по сути отвергался как, якобы, чуждый социализму, чуждый нашим принципам, нашему мировоззрению. И в этом заключалась серьезнейшая ошибка. На этом конкретном примере можно было видеть, как мы отступаем, отказываемся от тех завоеваний цивилизации, которыми нужно пользоваться и которыми нужно гордиться. Мы слишком много потеряли в нашей истории, — продолжал докладчик. Вот почему мы дорожим каждым днем. Мы хотим быстрее создать новую политическую структуру, ибо без нее мы не сможем двинуться в области экономики. Многое у нас еще не ясно нам самим. Мы находимся в самом начале нашего нового развития.

— У каждого из советских граждан, — говорил в заключение В. М. Савицкий, — у каждого интеллектуала есть определенная сумма взглядов, которые он хотел бы найти отраженными в жизни и в решениях партии. Есть они и у

меня и у моих коллег. Но было бы просто фантазией требовать, чтобы они все были сегодня реализованы в жизни. Мы работаем в различных комиссиях Верховного Совета СССР, в других органах, которые готовят новые законы. И мы видим, как наши идеи постепенно входят в проекты законов, а из проектов становятся законами. Это радует и дает дополнительный импульс, потому что раньше, всего три с половиной года назад, никто из нас не мог и думать, что его мысли, его идеи и взгляды могут получить хоть какую-то реализацию на практике.

Немало новой и весьма интересной информации дал американским участникам форума заместитель начальника УВИР МВД СССР Адмир Лозинович. Принятые в последнее время меры направлены на значительное облегчение контактов советских граждан с их зарубежными друзьями, родственниками и знакомыми. Упрощена процедура оформления выезда и въезда в СССР. Практически принимаются все меры к снятию пресловутой проблемы «отказников». Сегодня вся эта проблема повернулась другой, не менее неприятной стороной. Докладчик сообщил, что тысячи лиц, особенно еврейской национальности, получившие в последнее время разрешение на выезд из страны, вынуждены месяцами ожидать разрешения американских властей на въезд в США. Представьте себе, говорил А. Лозинович, положение этих людей, уволившихся с работы, сдавших квартиры, распродавших личное имущество, т. е. фактически лишенных средств к существованию.

Конечно, к представителю УВИР было немало вопросов, ответить на которые однозначно было нелегко. Помню, как известный американский публицист, лауреат Пулитцеровской премии, главный редактор газеты «Сан-Диего кроникл» Дж. Фридман все добивался ответа на свой вопрос, может ли советский гражданин просто взять и уехать пожить на время в какую-нибудь другую страну, а через пять-шесть лет вернуться обратно. А. Лозинович приводил все новые и новые аргументы и факты, доказывающие, как просто стало

выехать куда-нибудь и к кому-нибудь в гости. Даже сроки пребывания можно определять самому, только согласовав их у себя на работе с непосредственным начальником. Но все это не удовлетворяло любознательного Фридмана, ибо он сам прекрасно знал, что просто так взять и уехать на все четыре стороны, обидившись, например, на своего соседа, одинаково трудно и у нас, и у них. Зато у них в отличие от нас есть на это право, а кое у кого и деньги. У нас, к сожалению, пока нет ни того, ни другого. Такова жизнь!

Обстоятельно поработали на форуме и все пять рабочих групп. В одной из них обсуждался опыт правового воспитания и распространения знаний о правах человека. Американцы привели немало интереснейших фактов из деятельности общественных и религиозных организаций в этой области. Сразу сам собой возник вопрос об аналогичной деятельности среди советской общечеловечности. Кое-что, конечно, делается по линии общества «Знание», но этого явно недостаточно. Ассоциация советских юристов-демократов при ССОД озабочена другими проблемами, как собственно и комиссия по гуманитарному сотрудничеству при Советском комитете за европейскую безопасность и сотрудничество. Дискуссионный клуб СКЗМ «Мир и права человека» слишком мал для масштабов такой грандиозной задачи, как общее повышение правовой культуры нашего народа. Так кто же этим займется? Может, создаваемый Союз юристов? Но справится ли и он с этой задачей? Почему, спрашивали нас американцы, во всей вашей огромной стране нет ни одного независимого, то есть неправительственного, неведомственного органа, куда мог бы обратиться любой советский гражданин за разъяснением, а еще лучше за помощью при нарушении его гражданских прав? Ответа у нас не нашлось, ибо слухи о создании авторитетного общественного комитета по этим проблемам все еще остаются слухами. А факты иной раз принимают неприятный оборот. Так, во время одного из заседаний форума, задуманного как встреча с рядом самостоятельных организаций и групп гражданской инициативы (короче, неформа-

лами) зал СКЗМ стал наполняться людьми, весь вид которых говорил о том, что они уже не одну ночь провели на скамейках московских вокзалов. Они, как выяснилось, услышали по радио и прочли в газетах о том, что начал работать в Москве какой-то форум по правам человека. Вот и решились попытать удачи, может, хоть здесь выслушают и помогут. Тут-то и пришлось многим из нас покраснеть за наших же доморощенных чинуш, чье бездушное отношение к людям заставляет их порой годами мыкаться от одного парадного подъезда к другому. Поневоле можно дойти до отчаяния. Конечно, всегда можно видеть немало таких горемык и у любого американского учреждения. Но разве нам от этого лучше? Кое-кто стал было пенять, что дверь, мол, СКЗМ в этот день была слишком широко раскрыта. Думаю, что это так и должно быть всегда. Прошло время «закрытых дверей» и потемкинских деревень. Мы говорим о правах не для красного словца, а для того, чтобы было меньше обездоленных и отвергнутых, чтобы всем нашим гражданам была обеспечена надежная социальная защита не на словах, а на деле. Кстати, сами американцы в большинстве своем правильно поняли этот незапланированный в программе эпизод.

Открытый характер прошедшего форума подтверждало и постоянное присутствие на нем не только тех советских участников и журналистов, которых пригласили мы, но и многих совсем незнакомых нам людей, которых пригласили сами американцы. Как выяснилось, это были члены некоторых религиозных сект, так называемые «отказники», а иногда просто родственники и знакомые по прежним встречам в СССР или в США. Каждый вечер американцы расходились по домам в гости в обычные советские семьи. Многие из этих «просто знакомых» даже приняли участие в обсуждении некоторых вопросов, особенно в рабочей группе, которая рассматривала проблемы национального и этнического самовыражения, включая вопросы эмиграции и иммиграции, религиозных свобод и т. д. Все это не мешало, в конце концов, добиться определенного взаимопонимания и в этих

вопросах, хотя идеологические различия здесь сказываются особенно остро. Никто не хотел обязательно добиваться того, чтобы обоюдная критика существующего положения как в этих вопросах, так и во многих других была бы попросту прекращена. Кому от этого было бы лучше? Разве такая взаимная критика, не переходящая в неприязнь, в нападки, в ненависть, наконец, не является стимулом прогресса в области прав человека и там, и тут?

Совсем иная, более спокойная атмосфера была, конечно, в группах, которые обсуждали проблемы борьбы с терроризмом, как грубейшим нарушением прав человека или проблемы обеспечения права человека на здоровую окружающую среду. Даже в группе, рассматривавшей вопросы взаимосвязи политических и социальных прав, роли государства и общества в обеспечении прав человека, по сути был полный консенсус или согласие всех участников с основополагающими общечеловеческими ценностями, выраженными в общепризнанных нормах и принципах, обеспечивающих в сущности главное право человека — право на жизнь в условиях мира и свободы.

Форум завершал свою работу, когда пришла трагическая весть о страшном землетрясении в Армении. Потрясенные случившимся американские участники собрались на совещание. Сразу было собрано около четырех тысяч долларов наличными и чеками. По телетайпу и телефаксу была установлена связь с местными организациями и группами в США, куда были переданы сведения о самых неотложных потребностях. Перед масштабами случившейся трагедии как-то сразу отошли на задний план все наши споры и разногласия. Мы все ощутили себя членами одной глобальной семьи. Мы все глубоко прочувствовали, что значит общечеловеческое сострадание и солидарность.

Общий итог прошедшей встречи был всеми оценен положительно. Можно

сказать, что первый блин не вышел комом. А у плиты стояли самые разные повара, люди вовсе не с одинаковыми, а порой прямо противоположными взглядами на многое. И в том, что все произошло именно так — немалая заслуга принадлежит американскому координатору этого проекта отцу Л. Доллану (L. Dolan) и исполнительному директору равнину Шелдону Моссу (Ravvi Sheldon W. Moss). Ни один пункт из Вашингтонских договоренностей не был нарушен.

Конечно, прошедший форум отнюдь не исчерпал всей проблематики. Не на все вопросы найдены ответы и решения. Но встреча дала новый импульс совместной творческой работе. Этому помогут и такие намеченные проекты, как подготовка совместного издания по правам человека, публикация в США дайджеста (сокращенного варианта) нашего журнала «Человек и закон», создание рабочей комиссии по проблемам международных отношений и др.

Замечу лишь некоторое нарушение равновесия во всех дискуссиях, которое, можно надеяться, будет устранено в будущем. Дело в том, что американцы почти на все свои вопросы получали довольно пространственные и откровенные ответы. Когда же вопросы задавались с нашей стороны, когда нужно было раскрыть собственный опыт в решении тех или иных проблем, американцы оказывались часто не готовыми. Вероятно, многие все еще ждали, что диалог пойдет по старой схеме противоборства. А напрасно, сегодня в такой дискуссии нам уже не нужны набранные очки и забытые голы в чужие ворота. Нам нужен чужой опыт, который мы готовы внимательно изучать и все полезное обратить на благо перестройки, на благо человека. Но будем считать, что у американцев еще все впереди. Как хорошо сказал М. С. Горбачев в своем выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, человеческие проблемы надо решать по-человечески.

(Армия и общество, 9/88,
Военный против «военщины» № 11/88)

Прошу принять меры

Я обращаюсь к Вам в связи с «круглым столом», проведенным редакцией «Век XX и мир» (См. № 9/88, с. 18—28) на тему «Армия и общество», где главным вопросом был вопрос «Какого рода перестройка нужна армии?»

Нельзя читать этот номер журнала без возмущения. Прикрываясь перестройкой и гласностью проповедуется чуждая идеология, унижающая Советские Вооруженные Силы, дискредитирующая военную службу, советских офицеров и генералов, преподносящая военную политику Коммунистической партии на современном этапе ничтожной, ненужной. И это в то время, когда на боевых позициях, в боевой готовности находятся сотни ракет с ядерными боезарядами, нацеленными на СССР, прежде всего.

«Военный вовсе не идеал человека и не единственный носитель патриотизма» (с. 12), «Кого же нам опасаться, для чего нам армия?», «Зачем армии нужны все наши юноши поголовно?» (с. 23).

Ученый муж Р. Богданов изрекает: «Прошел тот период, когда Советская Армия рассматривалась как всесоюзный воспитательный клуб. Мы через все это уже прошли. Не знаю, нуждается ли наше общество в этом». (с. 25.)

Особенно распоясался великий «знаток» военного дела А. Нуйкин, который захотел знать, «какая сейчас ситуация в армии, за перестройку ли выступает ее офицерский корпус или против перестройки?» (с. 27). Нуйкин ставит прямо провокационные воп-

росы: какую позицию займет Советская Армия в случае выступления против перестройки. Этот деятель утрируя, восклицает, что «это без увеличения жизненно важно для всей нашей дальнейшей истории», (с. 27).

Возмутительно слышать подобную контрреволюцию на страницах журнала «Век XX и мир». Нельзя иначе квалифицировать слова Нуйкина как идеологическую диверсию, когда он ставит «ключевой вопрос, какова позиция армии относительно перестройки»? с. 27.

Меня удивляет беззубость, безразличие участников «круглого стола» — представителей Вооруженных Сил СССР во главе с тов. Н. Чалдымовым, которые не смогли дать должный ответ на провокационные измышления некоторых ученых, хотя и представляющих авторитетные учреждения и органы печати.

Разве это можно считать ответом провокатору Нуйкину на его вопрос «с кем окажется армия, если у нас решат ликвидировать перестройку насильственными средствами?» (с. 26), когда тов. Чалдымов сказал: «А вы вообще считаете этот вопрос корректным?»

Нельзя ни в коем случае считать разговор за «круглым столом» как начало важной проблемной дискуссии, которую предлагают продолжить в Комиссии по разоружению при Советском комитете защиты мира.

Хотелось бы напомнить кое-кому слова М. С. Горбачева: «Перестройка зиждется на социальных принципах, на полном раскрытии потенциа-

ла социализма... Наши ценности — ценности социалистические». Перестройку надо вести «с глубокой ответственностью».

Убеден, что вопрос о перестройке в Вооруженных Силах положено вести с полной ответственностью. И, конечно, не Нуйкиным.

Считаю необходимым принять меры, чтобы впредь подобные «круглые столы» не могли иметь место.

Казарменный дух

Павел Вентур принципиально прав в основном и главном: армия и флот нуждаются в коренных переменах — в перестройке, демократии и гласности. Пробил час перемен и в этой, закрытой от людей сфере деятельности государства.

Проблем накопилось много. Это и те, о которых пишет П. Вентур, и многие другие. Армия у нас находится на казарменном положении не только лишь в смысле ее постоянной боевой готовности, но и вообще в смысле ее жизнедеятельности, быта и нравов. Все подчинено слепой, казарменной дисциплине, и несмотря на бесконечные призывы к «сознательному выполнению своих обязанностей», в казарме царствует культ силы и авторитарных порядков. Иерархия подчиненности сместилась уже не по званиям и должностям, а — среди солдат — по годам и даже месяцам службы. Этот культ силы (и насилия) идет вовсе не от того, что недостаточно проводится политико-воспитательная работа, а от того, что сама жизнь в армейской казарме стала мешать проявлению высоких гражданских качеств солдат и сержантов, а в некоторых случаях и офицеров (в особенности младших).

Солдат, сержант, прапорщик, младший офицер перегружены

Член КПСС с 1939 г., участник ВОВ, капитан 1 ранга в/о Л. А. ИВАНЩЕНКО, доктор юридических наук, профессор, член комиссии «Мир океанам» при Советском комитете защиты мира.

Это письмо было адресовано автором в ЦК КПСС. Перепечатывается с согласия автора.

сверх меры всевозможными запланированными и незапланированными нагрузками. Здесь и караульная служба («через день на ремень»), и хозяйственные работы, и наведение «марафета» в военных городках и вокруг них (а зачастую и на всей территории населенных пунктов, где дислоцируются части), и выделение всевозможных команд на другие работы, не связанные с прохождением воинской службы.

Мало кто видит солдата, плачущего где-нибудь в укромном уголке, — плачущего от обиды, унижения, невозможности высказать свою боль (засмеют) и вынужденного все это таить в себе (до поры до времени).

Солдат лишен нормального человеческого общения со своими сверстниками вне казармы. То, что называется увольнением (редким), — это постоянная напряженность от обязанности быть начеку, контролировать каждый свой шаг. Надеяться на отпуск с поездкой на родину может не каждый: отпуск в армии стал поощрением, наградой — вместо нормального ежегодного, зафиксированного в военном законодательстве.

Безусловно, в армии много сделано, чтобы улучшить быт, питание солдат. И все же казарма осталась казармой, в которой солдат всегда на виду, всегда под контролем. Его

в любой момент могут сорвать с места, послать на работу, дать задание, не принимая во внимание никаких возражений с его стороны. Любое такое возражение считается «пререканием» и соответственно называется.

Этот казарменный дух, пропитавший всю рядовую солдатскую массу, во многом остался еще от дореволюционной русской армии и внедрялся уже в наши дни. Как-то незаметно укоренилось чиновничество, психология нижних чинов. Товарищеские взаимоотношения между офицерами и солдатами, характерные в годы Великой Отечественной войны, постепенно превратились в

отношения начальника и подчиненного: удел первого приказывать, а второго — выполнять. Это не могло не сказаться на общем отношении к воинской службе, которая все заметнее стала терять привлекательность в глазах молодежи.

Нужны крупномасштабные изменения в самой организации воинской службы, так как многие ее положения явно устарели.

Владимир КУЗНЕЦОВ,
ветеран Великой Отечественной войны, бывший политработник, подполковник в отставке, г. Барановичи Брестской области.

Не доверяю

Прочитали вместе с товарищами по службе отклик об армии майора П. Вентура, напечатанный на страницах вашего журнала. Поскольку текст был перепиан от руки, то сначала не поверили в достоверность такой исключительной по своей правдивости публикации. Над предложениями об изменении внутренней жизни армии, сделанными автором статьи, надо подумать и не со всеми можно согласиться, но что касается анализа образования в армейской и флотской среде «военщины», этого паразитирующего слоя армейских чиновников, использующего в своих целях труд всех остальных военнослужащих — здесь автор прав на сто процентов. Думаю, что здесь же лежат причины сегодняшнего упадка Вооруженных Сил. Я имею в виду при этом тот факт, что армия теряет свои главные функции: а) **защиты**, о чем свидетельствуют неоправданно большие потери в Афганистане и пролет гражданина ФРГ над территорией страны до Москвы; б) **воспитательную**, — об этом говорят уклонения от воинской службы, как от принудительного акта, совершаемого не в

интересах личности и общества, а также безуспешная борьба с «дедовщиной», случаи гибели из-за несоблюдений правил техники безопасности и др. Эти негативные явления зеркально отражают негативные процессы в среде кадровых военнослужащих из-за постановки офицерского ядра, этого костяка армии в такие условия, когда быть офицером становится жизненно невыгодно. Действительно, стать сегодня профессиональным военным означает: в течение длительного периода не иметь своего жилья и снимать чужое, а если и получить жилье, то лишь такие квартиры, которые никто не берет. Жена профессионального военного не может найти работы в местах службы мужа. Значит, и пенсия ее будет соответствующей. Дети — растут без детского садика (военные части и учреждения их или не имеют, или имеют для «избранных»), без должного медицинского обслуживания, без летних пионерских лагерей, без возможности отдыхать с родителями. Я уж не говорю о путевках, которые достаются весьма немногим...

В создании подобной системы ви-

новата армейская «элита». Себя она не обижала. Бытом же войск не занималась, поскольку ее сыновья в них лишь «побудут», а немногие выдвиненцы, сделавшие карьеру, не станут роптать. Поэтому в настоящий момент болтовня «о близости офицеров к людям» в решении задач дисциплины остается дежурной фразой. Обходя проблемы быта кадровых военных, военная элита усугубляет положение дел в армии, этим отталкивает от нее наиболее ценных людей. В конечном итоге, все это вырастает в плохо скрываемое недовольство офицеров руководством. Неверие в способность руководителей принимать целесообразные грамотные решения и заботиться о подчиненных получает все большее распространение. Конечно, этот нарыв пора вскрыть.

Отвратительное материально - бы-

товое положение кадровых военных усугубляется их бесправием, о котором писал П. Вентур: необходимостью постоянного «поддакивания», заискивания, вынужденного недопущения даже косвенного неодобрения тех, кто может ухудшить не только твою судьбу, но и твоих близких (жены, детей). Зачастую ценность офицера определяется не его профессиональными качествами, а связями и родственными отношениями в кругу тех, кто составляет или подписывает приказы о назначении.

Стоит ли после всего этого удивляться падению престижа профессии кадрового военного?

Подполковник Василий ПЕРЫШКИН,
Томская область,
г. Асино.

Беспокоимся. Готовы поддержать

Письмо майора Павла Вентура (№ 11/88) поражает не столько содержанием, сколько тем, кто его написал. Мы рассматриваем это письмо как граждански мужественный шаг, достойный звания офицера.

Однако мы обеспокоены дальнейшей судьбой автора. Ведь он военнослужащий, и его смелый поступок «военщина» будет квалифицировать совершенно по-иному. Просим редакцию передать П. Вентуру наши

самые добрые пожелания, нашу моральную поддержку; мы готовы оказать свою посильную помощь, если его будут притеснять.

Что касается содержания письма, то оно должно стать объектом самого пристального внимания нашего общества. Армия, если она действительно народная, должна находиться под неусыпным контролем общества.

Политклуб им Н. И. БУХАРИНА,
г. Набережные Челны.

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ!

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Когда-то мы не смели и шепотом шестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат, а уж друг другу-то, сойдясь в курилках НИИ, от души нажалуемся: чего только они не накуролесят, куда только не тянут нас! И ненужное космическое хвастовство при разорении и бедности дома; и укрепление дальних диких режимов; и разжигание гражданских войн; и безрассудно вырастили Мао Цзедуна (на наши средства) — и нас же на него погонят, и придется идти, куда денешься? И судят, кого хотят, и здоровых загоняют в умалишенные — все «они», а мы — бессильны.

Уже до доньшка доходит, уже всеобщая духовная гибель насунулась на всех нас, и физическая вот-вот запялет и сожжет и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему все улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно:

— А чем же мы помешаем? У нас нет сил.

Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щелочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки.

Уж как долбили нам на политкружках, так в нас и вросло, удобно жить, на весь век хорошо: среда, социальные условия, из них не выскочишь, бытие оп-

ределает сознание, мы-то при чем? Мы ничего не можем.

А мы можем — всё! — но сами себе лжем, чтобы себя успокоить. Никакие не «они» во всем виноваты — мы сами, только мы!

Возрают: но ведь, действительно, ничего не придумашь! Нам заляпали рты, нас не слушают, не спрашивают. Как же заставить их послушать нас?

Переубедить их — невозможно.

Естественно было бы их переизбрат! — но перевыборов не бывает в нашей стране.

На Западе люди знают забастовки, демонстрации протеста, — но мы слишком забыты, нам это страшно: как это вдруг — отказаться от работы, как это вдруг — выйти на улицу?

Все же другие роковые пути, за последний век опробованные в горькой русской истории, — тем более не для нас, и вправду — не надо! Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда все посеянное взшло, — видно нам, как заблудились, как зачадились те молодые, самонадеянные, кто думали террором, кровавым восстанием и гражданской войной сделать страну справедливой и счастливой. Нет, спасибо, отцы просвещения! Теперь-то знаем мы, что гнусность методов расползается в гнусности результатов. Наши руки — да будут чистыми!

Так круг — замкнулся? И выхода — действительно нет? И остается нам только бездейственно ждать: вдруг случится что-нибудь само?..

Но никогда оно от нас не отличнет само, если все мы все дни будем его признавать, прославлять и упрочнять, если не оттолкнемся хотя б от самой его чувствительной точки.

От — лжи.

Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь — его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет, и кричит: «Я — Насилие! Разойдись, расступись — раздавлю!» Но насилие быстро стареет, немного лет — оно уже не уверено в себе, и чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, — непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться кроме лжи, а ложь может держаться только насилием. И не каждый день, не на каждое плечо кладет насилие свою тяжелую лапу: оно требует от нас только покорности лжи, ежедневного участия во лжи — и в этом вся верно-подданность.

И здесь-то лежит пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрывает, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!

И это — прорез во мнимом кольце нашего бездействия! — самый легкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатываются ото лжи — она просто перестает существовать. Как зараза, она может существовать только на людях.

Не призываемся, не созрели мы идти на площади и громогласить правду, высказывать вслух, что думаем, — не надо, это страшно. Но хоть откажемся говорить то, чего не думаем!

Вот это и есть наш путь, самый легкий и доступный при нашей проросшей органической трусости, гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения по Ганди.

Наш путь: не в чем не поддерживать лжи сознательно! Осознав, где граница лжи (для каждого она еще по-разному видна), — отступиться от этой гангренозной границы! Не подклеивать мертвых косточек и чешуек Идеологии, не сшивать гнилого тряпья — и мы поражены будем, как быстро и беспомощно ложь опадет, и чему надлежит быть голым — то явится миру голым.

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остается ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!), или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих, и современников. И с этого дня он:

— впрямь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду;

— такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет ни от себя, ни по шпаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;

— живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует ни одной ложной мысли, ни одного искажения истины, которое различает;

— не приведет ни устно, ни письменно ни одной «руководящей» цитаты из угождения, для страховки, для успеха своей работы, если цитируемой мысли не разделяет полностью или она не отнесется точно сюда;

— не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг, если это против его желания и воли; не возьмет в руки, не подымет транспаранта, лозунга, которого не разделяет полностью;

— не поднимет голосующей руки за предложение, которому не сочувствует искренне; не проголосует ни явно, ни тайно за лицо, которое считает недостойным или сомнительным;

— не даст загнать себя на собрание, где ожидается принудительное, искаженное обсуждение вопроса;

— тотчас покинет заседание, собрание, лекцию, спектакль, киносеанс, как только услышит от оратора ложь, идеологический вздор или беззастенчивую пропаганду;

— не подпишется и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются.

Мы перечислили, разумеется, не все возможные и необходимые уклонения от лжи. Но тот, кто станет очищаться, — взором очищенным легко различит и другие случаи.

Да, на первых порах выйдет не равно. Кому-то на время лишиться работы. Молодым, желающим жить по правде, это очень осложнит их молодую жизнь при начале: ведь и отвечаемые уроки набиты ложью, надо выбирать. Но и ни для кого, кто хочет быть честным, здесь не осталось лазейки: никакой день никому из нас даже в самых безопасных технических науках не обмануть хоть одного из названных шагов — в сторону правды или в сторону лжи; в сторону духовной независимости или духовного лакейства. И тот, у кого не достанет смелости даже на защиту своей души — пусть не гордится своими передовыми взглядами, не кичится, что он академик или народный артист, заслуженный деятель или генерал, — так пусть и скажет себе: я — быдло и трус, мне лишь бы сытно и тепло.

Даже этот путь — самый умеренный из всех путей сопротивления — для зашедших нас будет нелегко. Но насколько же легче самосожжения или даже голодовки: пламя не охватит твоего туловища, глаза не лопнут от жара, и черный-то хлеб с чистой водой всегда найдется для твоей семьи.

Преданный нами, обманутый нами великий народ Европы — чехословацкий, неужели не показал нам, как даже против танков выстраивает незащищенная грудь, если в ней достойное сердце?

Это будет нелегкий путь? — но самый легкий из возможных. Нелегкий выбор для тела, — но единственный для души. Нелегкий путь, — однако есть уже у нас люди, даже десятки их, кто годами выдерживает все эти пункты, живет по правде.

Итак: не первыми вступить на этот путь, а — присоединиться! Тем легче и тем короче окажется всем нам этот путь, чем дружнее, чем гуще мы на него вступим! Будут нас тысячи — и не упрямая ни с кем ничего поделаться. Станут нас десятки тысяч — и мы не узнаем нашей страны!

Если ж мы струсим, то довольно жаловаться, что кто-то нам не дает дышать — это мы сами себе не даем! Пригнемся еще, подождем, а наши братья биологи помогут приблизить чтение наших мыслей и переделку наших генов.

Если и в этом мы струсим, то мы — ничтожны, безнадежны, и это к нам пушкинское презрение:

К чему стадам дары свободы?

Наследство их из рода в роды
Ярмо с тремухами да бич.

12 февраля 1974 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это обращение Александра Солженицына к интеллигенции, к молодежи, ко всем соотечественникам было написано незадолго до его ареста и высылки из страны в феврале 1974 года. И сразу же после позорной этой акции стало передаваться из рук в руки десятками, сотнями и тысячами самоиздатских экземпляров. То были тяжкие годы — годы, когда Ложь, Зло, Насилие, лишь на полшага отступившие в пору так называемой «хрущевской оттепели», вновь навалились на страну, пригибая ее, душа, волоча за собой в бездну неотвра-

тимого гниения и распада, и никаких уже надежд, пробудившихся было в 1956 году, не оставалось на обновление, на успех какого-либо гражданского противостояния торжествующей мертвечине. Но Солженицын и не звал к этому — он обращался к каждому из нас, к нашей совести, к нашему чувству человеческого достоинства страстным напоминанием, что если мы сами не позаботимся о своей душе, о ней не позаботится никто. И что очищение и высвобождение общественного организма из-под власти зла может и должно на-

чинаться лишь с нашего **собственного** очищения и освобождения — с нашей твердой решимости ни в чем и никогда не поддерживать ложь и насилие, **самим, собственной** своей волей, **сознательно**.

Был ли услышан этот призыв? Принес ли он какие-то плоды? Не оказались ли правы те скептики — и даже из пронзенных неотразимой силой солженицынского слова, — которым надежды писателя казались утопичными, а его собственный пример высочайшего духовного и гражданского мужества — способным повести за собою лишь героев-одиночек?..

Но спросим себя: те перемены, которые начались в нашей стране три года назад, — разве оказались бы они возможны, если бы в обществе нашем, во всех его слоях не вызрело за эти годы едва ли не всеобщее презрение и отвращение и к тем, кто олицетворял собою царящее зло и насилие, и к их жалким прислужникам, затоплявшим страну демагогией и ложью? И разве в создании этой общественной атмосферы не сыграло свою роль поведение тех, пусть не-

многих, а на самом деле их было не так уж мало, особенно среди молодых, кого именно письмо-обращение Александра Солженицына заставило перевернуть свою жизнь, встать на путь решительного и твердого личного неучастия в вакханалии казенной Лжи? И даже тех, кто пусть робко, хоть на полшага, хоть на шаг, но все-таки тоже пытался отойти от этой позорной черты нравственного падения?..

Вот почему можно лишь горько сожалеть о том, что Слово Солженицына не было, не могло быть услышано в те годы всеми: всей страной, всем народом. И вот почему так радуется, что сегодня его сможет услышать гораздо больше людей, чем тогда в семидесятых. Ведь оно и сегодня сохраняет весь свой живой нравственный смысл, и сегодня остается безусловной формулой того исходного нравственного императива, следование которому одно только и может быть прочным залогом нашего гражданского обновления.

Игорь ВИНОГРАДОВ,
литератор.

Министерство правды

Симон КОРДОНСКИЙ,
социолог

С первых дней политики перестройки в словаре ее укрепились слово «реальность». Ни одна статья о «новом мышлении» не обходится без упоминания, что это мышление реалистическое, готовое к встрече с реальностью, сколь бы та не была неудобна. И довольно открыть любую центральную газету, журнал, чтобы видеть: страна торопится признавать реальности в международной политике и соотношении сил, в экономике, в собственной истории и национальных отношениях.

Все это делают журналисты и политики. Они указывают на существование реальных проблем и напряжений и, давая то или иное публицистически-условное обоснование, пытаются предложить решение. А что — теоретики? Ведь СССР — уникальное государство, имеющее громадный бюджетный институт общественных наук, страна, где все население, со школы до института, в обязательном порядке изучает комплекс гуманитарных дисциплин, претендующий на «единственно научное» объяснение не только нашей реальности, но и устройства Вселенной вообще. И тут мы оказываемся перед лицом парадокса.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ

В рамках теорий научного коммунизма и политэкономии социализма, наше государство выглядит гармоничным,

всесторонне благоустроенным и вовсе не нуждается, чтобы его перестраивали. Напряжения, разрывы и кризисы, давшие толчок началу политики перестройки, с точки зрения советского обществоведения не существуют или столь несущественны, что ими следует пренебречь. Перестройка началась и идет без какой бы то ни было правдоподобной санкции теоретиков. Житейские впечатления и здравый смысл руководителей государства заставили их приступить к масштабной реконструкции системы — в то время, как теоретические модели их собственных обществоведов требуют считать положение чуть ли не благополучным!

Оказавшись перед этим скандальным фактом, обществоведы кинулись в ряды певцов перестройки. Их немало среди авторов сегодняшних смелых статей. Накал обсуждения этнических проблем, критики внешней и внутренней политики прошлых эпох высок, но абсолютно непрофессионален. Стремление найти причины кризиса вне тех обыденных отношений, в которых проходит жизнь советского человека, заставляет персонафицировать истоки бед в паранойе Сталина либо в бездарности Брежнева и естественно переходит в подыскание кандидатур в тайные враги перестройки среди бюрократов, масонов и «коррупцированных групп».

Очень характерно, что в этих дискуссиях доктора наук и академички избегают случая проявить свою компе-

тентность: экономисты горячо обсуждают судебную реформу, юристы рекомендуют экономические новации, а искусствоведы берутся исследовать общественное мнение. Признание необходимости перемен наталкивается на отсутствие понимания происходящего. Нет понимания пределов возможного, цены и последствий шагов, предлагаемых наперевод.

Между тем, социализм, поскольку он создается рациональной деятельностью людей, предполагает существование аппарата для осмысления реальности. В принципе, такой аппарат представлен в виде политической экономии социализма, научного коммунизма, истории КПСС и других общественных наук. Однако эти области знания скорее представляют из себя суррогат веры: процессы, идущие сейчас в стране, не поддаются пониманию в тех терминах, которые каждый из нас знает, которые вошли в науку и политическую

лексику СССР. Научного знания об СССР, как о многонациональном и многоукладном обществе, просто нет. А что есть? Мы говорим о «новом мышлении» — чем же является **старое?**

Институт общественных наук сложился в нашей стране во время сталинского этапа государственного строительства. Многоукладное общество в ходе этого эксперимента превратилось в объект тотального манипулирования, его исследования были запрещены, а исследователи — историки, социологи, экономисты — были высланы из страны в 20-е гг., либо уничтожены в 30-е. Вместо наук, исследовавших общественную реальность, были созданы административные институты по внедрению в умы представлений и схем «Краткого курса истории ВКП(б)».

Между этими институтами существует разделение обязанностей. История КПСС дает представление об эволюции

Фотоэюг Александра Ранчукова (г. Киев).

целей в ходе внутривнутрипартийной борьбы, диалектический материализм задает исходные категории любого познания, а исторический материализм — постулаты общественного устройства во все времена. Политэкономия социализма вводит не подлежащие пересмотру представления о хозяйственной деятельности государства. Научный коммунизм, возникший как государственный институт позже, при Хрущеве и Суслове, должен интегрировать отдельные идеологемы в целостность партийного мировоззрения.

Предметом всех этих наук выступало и выступает некоторое идеальное состояние государства, окончательно поглотившего общество. Объективное знание о реальном мире находится вне сферы интересов обществоведения, задача которого заключается в навязывании административных версий о реальности разным группам населения: что, как и почему происходит в мире с точки зрения государства.

Знание это рассматривается как «единственно верное» и — независимо от степени конъюнктурности — освящено авторитетом Маркса, Энгельса и Ленина. До сих пор «освоение классики марксизма-ленинизма», подержанное сдачей экзаменов, — необходимое условие допуска к гуманитарным наукам. Само классическое наследие при этом понимается так: из него отбирают лишь то, что созвучно самым свежим установкам партии и правительства. Критерий выбора определяется политической ситуацией: сегодня, например, хорошо идут цитаты о кооперации, правовом государстве, демократии и мире. Урачено то, что делает классический марксизм столь привлекательным для зарубежных исследователей, — живая мысль в конкретных условиях ее появления.

За дипломированным обществоведом государство закрепляет право обоснования применяемых политиками средств путем подбора цитат из классиков и прецедентов из истории КПСС. Кроме того, обществовед исполняет обязанности цензора и редактора по отношению к тому, что говорят об обществоведении другие.

В прошлом обществоведы обосновали обострение классовой борьбы, ускоренную индустриализацию и раскулачивание, оближение города и деревни путем ликвидации тысяч «неперспективных» поселений. Обществоведы выступали против рыночной экономики (хотя никакой другой не бывает: не называть же экономикой разграбление и проедание природных и человеческих ресурсов...) — и государство боролось с рынком, даже с колхозным. Обществоведы вывели, что идеальный выразитель общественного мнения страны — тот, кто в данный момент стоит во главе партии и государства. И государство всей своей мощью обрушилось на людей, имеющих другое мнение, высылая их за границу, посылая в тюрьмы и психиатрические больницы. Обществоведы вывели пользу всеобъемлющего планирования для удовлетворения всех нужд человека. В результате всемогущий Госплан не способен обеспечить даже бесперебойное поступление ботиночных шнурков в магазины.

Некоторые конкретные экономические и социологические исследования советских обществоведов имели бы смысл, если бы предметом их были люди, а не «трудовые ресурсы», «молодежь» или «человеческий фактор», определяемый анкетными и другими миллионскими данными. С точки зрения живых людей, нас самих — мы живем, работаем, заняты своими делами и проблемами. С точки зрения обществоведов, СССР населено людьми, занятыми выполнением и перевыполнением государственных планов. Эти планы спускаются сверху, из государственных инстанций, где их выработывают люди, познавшие законы общества, истории и природы и воплотившие эти законы в структуре государства. Следование государственному плану — это следование законам Вселенной, а невыполнение их есть противоестественное извращение, караемое государством.

В каком-то смысле, это так и есть, — мы живем в государстве, созданном в соответствии с определенной теорией, как единственная реальность. Реальность, созданная на основе знания, претендует распоряжаться знанием о

себе — и знание становится государственным. Фантом «Краткого курса» ожил: предписанные обществоведами социальные группы возникают, действуют и определяют не только реальность, но и способы ее осознания. В этой странной ситуации необходимо рассмотреть государство в той мере, в какой оно является неотделимым от теории ее продуктом.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Любимые темы обществоведов — «два класса и прослойка», «сближение города и деревни», «уничтожение различий между умственным и физическим трудом» и другие представляются большинству людей нудной схоластикой. Обычная жизнь советского человека проходит в доставании необходимого для жизни, в стоянии в очередях, в стремлении занять должность и удержаться на ней, избежав всевозможных карательных санкций. Эта жизнь ограждена системой прописки, отметками в паспортах и трудовых книжках, ограничениями на смену места работы или рода деятельности. Мысль, что искусственные конструкции общественных наук имеют плоть и теснят нас — нормами уголовного и трудового права, квотами подбора и расстановки кадров, процедурами голосования — кажется абсурдной. Однако это именно так.

Мир реального социализма принципиально отличается от исторически сложившихся обществ тем, что его социальная структура (в своих явных и контролируемых характеристиках) искусственна и выделена под высокую цель социальной справедливости, понятой как гарантированный государством объем и уровень потребления. Всякий советский человек в этой структуре приписан к определенной социальной группе. Его потребление определяется полом, возрастом, происхождением, уровнем образования, профессией и должностью, пропиской и некоторыми другими, заданными административно характеристиками.

Общество считается состоящим из

двух классов и прослойки между ними: крестьян, рабочих и служащих. Все устроено очень гармонично: крестьяне потребляют продукцию рабочих и производят предметы потребления для них. Рабочие присваивают продукты села и производят то, что нужно крестьянам. Служащие распределяют и контролируют потоки продуктов от крестьян к рабочим и обратно, следя за тем, чтобы потребление каждого соответствовало его месту в системе. Государство строго фиксирует принадлежность гражданина к одной из групп, в соответствии с набором его характеристик, и контролирует — посредством ограничений и репрессий — состав каждой группы и их отношения между собой.

Это и есть социальная справедливость, реализованная в государственной форме: искусственная и дорогостоящая машина, где любой человек, по замыслу ее создателей, является унифицированным элементом. Государство, отобразив в своей конструкции идеальную модель общества, считает, что познало и воплотило законы истории в своих законах. Тем самым, законы общественных наук приобрели защиту уголовного кодекса, и знание о государстве слилось с государством. Искаженная копия общества, приобретя плоть в виде министерств, ведомств, республик и социальных групп, зажила жизнью, независимой от оригинала. Цель этой искусственной жизни — стать природой человека, перейдя от бытия копии к бытию оригинала, растворить оригинал в своей структуре.

Создавшаяся таким образом система власти, включая систему понятий, в которых положено осмыслить любые действия власти и ее устройство, оказалась настолько стройной, что никакие изменения ее элементов не меняют системы в целом. Основопологающие формулы обществоведения, такие как два класса и прослойка, социальная справедливость и социальная однородность, категория политэкономии социализма стали статьями Конституции СССР — со всеми вытекающими отсюда последствиями для тех, кто мыслит иначе. Советское государство само

превратилось в механизм, производящий и воспроизводящий фантомы обществоведов. Механизм этот согласованно противодействует любым изменениям системы и, собственно, тождественен так называемому «механизму торможения». Все его элементы имеют «глубокое научное обоснование» в общественных науках СССР.

Увы — строки и столбцы государственной отчетности, обоснованные таким образом, не соответствуют реалиям обывденной жизни, экономики и политики. Докмы, выведенные из идеального представления о государстве и подкрепленные реальной государственной мощью, активно противостоят тому, что есть на деле и что сегодня происходит в стране. А вот о том, что есть, мы узнаем только из судебной хроники и из статей смелых публицистов — пишущих о том, что любой гражданин СССР знает из личного опыта. Официальные и официально обоснованные системы обросли специфическими отношениями, для которых в обществоведении нет ни места, ни языка, и которые оно все скопом именует «теневыми» — хотя речь идет просто о самой реальности. В итоге, государство уже 20 лет находится в состоянии «застоя» и изо всех сил отбивается от «врагов», которых само продуцирует.

Дело не только в никудышной организации и бюрократизации управления. Дело в коренном несоответствии социальной реальности в стране и в мире — тому представлению о ней, которое воплощено в государстве и принципах его функционирования. Комплот обществоведов и чиновников, идеологических заклинаний реальности и управления ею разрывается сегодня скандальной некомпетентностью штатного обществоведения, как это случилось в теории национальных отношений после событий в Азербайджане, Армении, Прибалтике и других местах. Только тут рядовые граждане и лидеры партии осознали дорогую цену того, что государство — силой — навязывает самому себе катастрофически ложное представление о себе же!

...И ПРОСТО ЛЮДИ

Политики зря ждут от общественных наук советов и рекомендаций, надеясь, очевидно, что обществоведы вселят в них уверенность, потерянную в годы перестройки. Но рекомендации обществоведов, похоже, в принципе не применимы к реальности, в которой живут заказчики их информации.

Практически во всех сферах жизни сейчас возник дефицит идей. Оказалось, что отчуждение понимания, реализованное в государственной идеологии, не так просто преодолимо. И в этой ситуации государство ведет себя пока так же, как в других областях жизни, где оно своими институтами создает дефицит — оно импортирует идеологию и понимание из стран социалистического лагеря, и стран с рыночной экономикой. Описание и анализ хозяйственной деятельности правительств Югославии, Венгрии, Польши составляют содержание деятельности тех экономистов, которые снабжают государство идеями. В этой ситуации возникает реальная угроза петровской революции: попытки ввести народ в «новую жизнь» насильно.

Последнее очень четко проявляется в попытках сфокусировать вину за экономический и социальный застой на бюрократии, понимаемой как социальная группа. Призывы начать репрессии против «бюрократов и сталинистов» стали общим местом даже лучших из «перестроечных» публикаций. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, логически и практически завершает историю создания искусственного общества посредством репрессивной и ограничительной политики.

С определенной точки зрения, все семьдесят лет существования социалистического государства можно рассматривать как непрекращающуюся борьбу. Борьба с контрреволюцией и интервенцией, борьба с оппозицией, борьба с кулачеством, как классом, борьба с агентами империалистических разведок, борьба с фашизмом, с космополитизмом, борьба с пережитками прошлого в сознании и поведении, борьба за урожай и промышленное перевоору-

жение и, наконец, борьба за «ускорение», кончившаяся Чернобылем... На любом этапе развития социалистического государства был враг, внутренний или внешний. Теперь вдруг ставший «революционером» обществовед требует объявить врагом власти ее собственный аппарат — и применить к нему те же меры, которые применялись к буржуазии, нэпманам, крестьянам, интеллигенции!

Благие намерения политиков, не обоснованные объективным знанием внутреннего и внешнего положения страны, уже не раз вели к росту социальной напряженности и увеличению дефицита, к серьезным международным кризисам. Будущее государства во многом определится тем, насколько соразмерными и обоснованными станут его усилия по перестройке своей структуры и отношений с миром. Стране не придется расстаться с повторением уникального сечения обстоятельств, приведшего к власти её нынешнее руководство. Чтобы выжить, нам надо научиться глядеть правде в лицо.

Как граждане государства, обществоведы вполне лояльны к перестройке, но как чиновники они сверхконсервативны. Государственный институт обществоведения будет сопротивляться **любым** изменениям содержания деятельности. Это многоуровневая разветвленная система, организованная на принципах прямого подчинения и перманентного контроля. Занятые в этом институте — такие же чиновники, как и в любом другом секторе государства. В потоке советов и рекомендаций, который сейчас летит от обществоведов, содержатся предостережения о перестройке всех государственных институтов — **кроме** обществоведения. Но зададимся вопросом: **а нужно ли оно вообще?**

Государству с превращением его из тоталитарного в правовое общественные науки в прежнем своем качестве не нужны. Выработка целей и выбор средств их достижения становятся политической деятельностью. Цели и средства уже не надо превносить извне как евангелие от Маркса-Ленина на все времена. Сложнее положение с научным исследованием общества. Воз-

никает вопрос, можно ли на существующей обществоведческой базе (включая институты АН СССР, Академии общественных наук, вузовские кафедры и отраслевые институты) организовать научные исследования реального советского общества?

Традиции научного исследования общества и социальной жизни складывались в России много поколений. Это и земская статистика, и научные школы Сорокина, Новосильцева, Чаянова, Кондратьева и многие другие. Традиции прерваны и их возобновление связано со многими обстоятельствами. Во всяком случае, это задача на несколько десятилетий. Отказ от обществоведения в сегодняшнем смысле и **ликвидация его как государственного института** — необходимое условие возникновения собственно научных исследований общества. Нет и не может быть наук об обществе, склеенных идеологией «Краткого курса». Должны быть история и социология, философия и правоведение, экономика и политэкономия со своими предметами, методиками и методологиями.

Необходим пересмотр списка специальностей, по которым происходит присуждение ученых степеней. Должен исчезнуть хотя бы суловский гомункулус — «научный коммунизм» как предмет обучения и исследования. Обязательные программы обучения обществоведению и стандартные учебники должны, наверное, последовать за ними в Лету. И, конечно, надо исключить из списка субсидируемых государством такие темы и направления, как изучение категорий материалистической диалектики, истории местных парторганизаций, или классовой структуры советского общества. Один этот росчерк пера даст средства, необходимые для обучения молодых исследователей в зарубежных университетах и исследовательских центрах и тех немногих местах в Союзе, где чудом сохранились традиции гуманитарного знания.

Эти всем известные исключения только подтверждают правило: в стране нет специалистов-исследователей, нет научных школ и направлений. Есть отдельные люди, которые вопреки догма-

там обществоведения пытаются исследовать реальность. Однако, пока единственным спонсором научных исследований в СССР выступает государство, эти попытки не будут иметь заказчика.

Вполне возможно, что самым серьезным стимулом к формированию научных исследований общества помимо кризисных ситуаций, будет потребность в информации о его реальном состоянии у кооперативов и смешанных предприятий (у них уже сейчас возникают проблемы емкости внутреннего рынка и изучения западного, определения потребностей реальных социальных групп), а также у тех государственных институтов, которые являются детищем перестройки — у новых Советов и их исполнительных органов. Вкус к реальности появляется у прессы и других средств массовой информации в условиях конкуренции за читателя, зрителя, слушателя. Надо думать, заказчик зна-

ний об обществе все же появится. Но на кого он сможет рассчитывать в предельно некомпетентной, развращенной причастностью к власти среде обществоведов?

Как это ни странно — на людей из этой же среды: вопреки всему, почти в каждом обществоведческом институте есть люди, стремящиеся к собственно научному исследованию. Иногда это сохранившиеся в процессе обучения яркие индивидуалисты, чаще же — инженеры, математики, естественники, разными путями осевшие в обществоведении. Положение этих людей весьма сложное, так как они практически беззащитны перед агрессивным всезнанием обществоведов. Поиск, организация и поддержка этих людей, наверное, первый этап в становлении науки, которая решится изучать советское общество таким, какое оно есть, а не таким, каким ему «надлежит быть».

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

БЕК XX И МИР

XX CENTURY AND PEACE

LE XXe SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

